

Александр Амфитеатров

Мечта

Александр Амфитеатров

Мечта

«Public Domain»

1922

Амфитеатров А. В.

Мечта / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1922

«Конка медленно двигалась в гору по захолустной окраинной улице. Мы с приятелем, художником Красноцевым, ехали в Богородское убивать наступающий летний вечер. Вдруг Красноцев воззрился и поспешно снял цилиндр. – Смотри-ка, смотри! – сказал он, показывая глазами на бедно одетую, простую женщину, которую обгонял вагон. Двое малюток, мальчик и девочка, лет четырех-пяти, держались за ее платье; на левой руке она несла грудного ребенка, а правую придерживала переброшенный за спину узел. Заметно было, что она опять на сносях...»

Александр Валентинович Амфитеатров

Мечта

Житейская сказка

(Посвящ. графу Льву Николаевичу Толстому)

Конка медленно двигалась в гору по захолустной окраинной улице. Мы с приятелем, художником Краснецовым, ехали в Богородское убивать наступающий летний вечер. Вдруг Краснецов воззрился и поспешно снял цилиндр.

– Смотри-ка, смотри! – сказал он, показывая глазами на бедно одетую, простую женщину, которую обгонял вагон.

Двое малюток, мальчик и девочка, лет четырех-пяти, держались за ее платье; на левой руке она несла грудного ребенка, а правую придерживала переброшенный за спину узел. Заметно было, что она опять на сносях.

– Кто это? – спросил я несколько изумленный знакомством Краснецова.

Краснецов отвечал мне слегка взволнованным голосом:

– Это – Мечта.

– Мечта?.. какая Мечта?

– Моя Мечта... за которую я получил в Мюнхене премию... Я ее лепил с этой женщины...

Я обернулся, чтобы разглядеть Мечту. Этим барельефом Краснецов лет двадцать тому назад положил начало своей славе. Я хорошо знал и любил прелестную головку «Мечты». Решительно ничто не напомнило мне ее черт в желтолицей, худощавой бабе, которая понуро плелась позади нас со своею детворой, согбенная под узлом, тяжело раскачивая животом. На мой недоумелый взгляд Краснецов ответил горькою улыбкой:

– Что, брат, непохожа?

– Да уж так-то непохожа... И потом: значит, легенда о твоей «Мечте» – действительно только легенда?

– А что она гласит?

– Будто ты вылепил «Мечту» с какой-то московской красавицы, умницы и богачки баснословной...

– Ну да: с Софии Артамоновны Следловской. Это она и есть.

– Эта?!

Я опять обернулся, но конка, взяв подъемом, пошла быстрее, и баба с узлом осталась далеко позади... Краснецов задумчиво говорил:

– Помню зал дворянского собрания, мраморный, белый, блестящий... люстры огромные и отражаются в колоннах... бездна света... толпа... Рябов с оркестром на красной эстраде... Целый вихрь звуков и красок: это – вальс... И она промчалась мимо меня; ее головка почти лежала на плече какого-то офицера, и я – помню – благодарил его мысленно за то, что его темный мундир дал такой хороший фон ее профилю... На ней было платье цвета чайной розы, брильянты... Оживленная такая, глаза – как искорки, румянец... А в ту пору Тургенев только что выпустил «Стихотворения в прозе...» Помнишь: «Стой! Какою я теперь тебя вижу – останься навсегда в моей памяти!.. Стой! И дай мне быть участником твоего бессмертия, урони в душу мою отблеск твоей вечности!» Тут, брат, я и задумал мою «Мечту»... а потом и сделал... Да: «Стой!.. останься навсегда!» А она, вместо того, вон как... Ах-ах-ах!..

В 1880 году Софье Артамоновне Следловской минуло восемнадцать лет. Ее только что вывели в свет, и она заблестела в нем яркою звездочкой. Красавица собой, умненькая, образованная, веселая, как птичка, она обратила на себя внимание «всей Москвы».

Тут Красноцев слепил с Сони свою «Мечту» – и сам прославился Сонею, и Соню прославил: за нею так и осталась в обществе кличка «Мечты».

Потом «Мечта» исчезла со столичного горизонта: в глухой самарской или тамбовской деревушке у нее была бабушка, эта бабушка смертельно заболела. Следловские ждали от нее наследства, а бабушка терпеть не могла всех Следловских, кроме внучки Сони. Следловские и отправили внучку Соню ухаживать за больною старухой и ее завещанием.

Бабушка умерла, и Соня возвратилась в Москву. Денег Следловские никаких не получили, потому что старуха завещала все свое состояние на благотворительные дела. Между прочим, получили крупные пожертвования один столичный и два провинциальных университета.

Ходил слух, будто Соня Следловская сама уговорила бабушку разорвать первое завещание, составленное в ее пользу, и заменить его тем, которое теперь осуществилось. Следловские были этим значительно обездолены, а на Соню в обществе стали смотреть как на юродивую.

Она действительно вернулась из деревни, сильно изменившись. Хороша она была по-прежнему, но былое оживление с нее сошло; она стала серьезна и задумчива; улыбалась не часто, смеяться же не смеялась никогда; ласковые синие глаза приобрели особый взгляд – важный и пронизательный взгляд внутрь себя.

– Два года тому назад, – сказал ей Красноцев, – я хотел лепить с вас «Птичку Божию»; как она «гласу Бога внемлет и поет себе, поет»... Вы украли у меня модель!.. Но я вам отомщу тем, что слеблю с вас «Святую Екатерину, встречающую небесного Жениха...»

– Разве что небесного... – возразила Софья Артамоновна, – земного у меня не будет.

К весне старик Следловский расхворался, в два, три дня его свернуло: умер. Привели в порядок дела: актив оказался мизерный, а пассив – внушительный. К счастью, покойник выбрал душеприказчиком человека ловкого и преданного; он разобрался в наследстве, – по крайней мере, банкротство вышло хотя полное, но глухое, без скандала, и Соне остался небольшой капитал, тысяч в двадцать пять.

Но месяц-другой спустя после того, как все это устроилось, пришли слухи о новых чудачествах Софьи Артамоновны: она обратила в деньги все свои вещи, даже платья и книги, и платила мелкие долги покойного отца... Из капитала уцелела едва пятая часть. Душеприказчик пришел в ужас и отнял у Сони остальные пять тысяч, кроме расходных. Затем Соня очутилась в глухой провинции, на хуторе у своей дальней родственницы, – небогатой старушки, весьма кроткой сердцем и весьма недалекой умом, из которого она, как сама рекомендовалась, уже выживала «по вдовьему своему положению». Душеприказчик Следловского поместил Сонины деньги в какое-то дело и выплачивал ей каждый месяц сорок рублей. Жить бы можно, но Соня навязала себе на шею нужды и болезни всей деревенской округи. Здесь учила, там лечила, утешала; обучилась хозяйничать – править всякую черную работу...

– При такой любви к бедным людям, – сказал ей местный священник, – вам бы следовало пойти в учительницы или фельдшерицы.

– К сожалению, батюшка, эти места все наперечет.

– Вы можете иметь протекцию: вам не откажут.

– Вы меня не поняли, я не в том смысле... Я хотела сказать, что мне пришлось бы заслонить такое место от кого-нибудь из нуждающихся более меня. У меня есть сытный кусок хлеба, а обыкновенно таких мест ищут люди, только что не умирающие от голода...

В околотке о Соне заговорили. Крестьянство видело в ней чуть не подвижницу. Становой сперва недоумевал было. Но годом позже, когда кто-то из местных охранителей намекнул, что поступки г-жи Следловской неспроста и не мешало бы полицейской власти иметь за нею глазок-смотрок, становой даже окрысился:

– А вот у нас неподалеку Пафнутий Боровский покоится. Вы бы уж заодно и к нему в раку слазили с обыском...

И лишь Соня – одна – была собою недовольна. Краснецов встретил ее на тульском вокзале: она ехала в Москву за покупками.

– Меня поразило грустное выражение ее глаз, недоумевающих, точно ждущих. Я высказал ей удивление к ее подвигу, о котором уже слышал раньше.

Она покачала головой:

– Не то, все не то... разве это подвиг!

– Как же иначе-то?

Она задумалась.

– Подвиг – это если кто возьмет на себя ради других великое страдание. А мне легко. Я наслаждаюсь.

– Ну, Софья Артамоновна, это уж аскетизм...

– Я не об аскетических подвигах говорю. Страдания в миру много больше, чем в пустыне... На полу валяется; стоит только нагнуться и подобрать... И вот на это-то надо много мужества. У меня не хватает... Вы читали «Юлиана Милостивого»?

– Знаю.

– Вот...

На хуторе она прожила около двух лет и к концу второго года совсем замолчала: одолели думы и деятельность. Ее плотно сложенные губы, не улыбающееся лицо, остановчивый, задумчивый взгляд смущали домашних: видно было, что Соня мучительной борьбой перерабатывает в себе какую-то новую мысль или затею. Однажды она уехала в Тулу к знакомым и загостилась у них на целые две недели. На хуторе начали уже тревожиться, как вдруг пришло письмо, и не из Тулы, а из Орла; Соня просила у тетки прощения, что обманула ее, и извещала, что вышла замуж. Просила также не искать ее и о ней не беспокоиться, потому что «ни брак мой, ни муж мой вам не могут быть по сердцу»... Подписала письмо: «Софья Тырина». Тревогу и недоумение тетки легко себе представить. Наведя справки у душеприказчика, она узнала только, что Соня действительно вышла замуж и вытребовала у него из своего капитала тысячу рублей, которые он и переслал ей в Орел. Остальные же четыре тысячи он, по распоряжению ее, внес – частью в университет, частью передал одному московскому священнику, известному своей благотворительной деятельностью среди чернорабочей столичной бедноты. Послушался он приказа Софьи Артамоновны потому, что в ее письме к нему были такие фразы: «Знаю, что, жалея меня и боясь моего неблагоприятия, вы, пожалуй, не захотите исполнить моего желания; поэтому особенно прошу вас не смущаться: благодаря моему браку, я в своих личных средствах более не нуждаюсь»... Какой именно Тырин женился на Софье Артамоновне, душеприказчик не знал; но есть Тырины – крупные кукольных дел мастера; вероятно, из них...

Между тем, когда известие о свадьбе Сони огласилось, в околотке заговорили чудное. А именно: будто Соня вышла замуж не за кого другого, как за Прошку Тырина, вдового медника, лядящего пьяничку из пригородной рабочей слободки, той самой, с которой, говорят, Глеб Иванович Успенский написал Растеряеву улицу.

Вот как это случилось.

Как-то раз, посещая на слободе больную старуху, Соня услышала отчаянные детские крики: два голоса вопили, точно с ребят заживо драли кожу.

– Что это? – с испугом спросила она.

– А это Прохор-медник опять наказывает своих девчонок.

– За что же он их наказывает?

– Есть просят, а дать нечего, – пропился, разбойник, до нагого тела... Ну, слушать-то и невтерпеж... сердце не камень... родитель тоже...

– Часто он их так?

– А день-деньской... Покуль в питейном, потуль и молчат...

– Пьет?

– Первый на это Ирод.

– Нищие?

– И креста на шее не осталось...

Соня зашла в хатенку медника и ахнула, – где и как могут жить люди. Такого убожества ей еще не случалось видеть. Девочки – одной шесть, другой пять лет – были хорошенькие, несмотря на истощение, их съедавшее, и на грязь, облежавшую их личики, тельца и лохмотья. Сам Прошка – маленький и тощий человек в немецком платье, составленном из заплат, – был бледен пьяною, серо-зеленою бледностью человека, которому водка заменяет хлеб; его избитое лицо, со шрамом над бровью, его коричневые недружелюбные глазки, полные трусливой наглости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.